

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРКОЛОГИИ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «СУХОГО ЗАКОНА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1914 г.

Блохина Н.Н.

ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»
105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д.12, стр. 1
chervyakow@mail.ru

Статья поступила 11.06.2015

В статье приведены сведения о начальном периоде появления в Российской империи «сухого закона» 1914 года (Закона «О запрещении спиртных напитков») по «Воспоминаниям» министра финансов П.Л. Барка. Рассмотрены результаты введения «сухого закона» в 1914 году.

Ключевые слова: *борьба с пьянством, «сухой закон» 1914 года, Российская империя, министр финансов П.Л. Барк, история медицины.*

В начале XX века в Российской империи перед государственным здравоохранением встала важная социальная проблема — проблема борьбы с пьянством. Еще в 1894 г. была введена «казенная винная монополия», а иначе говоря, исключительное право государства на продажу спиртных напитков. В царствование императора Александра III ее предложил министр финансов С.Ю. Витте. Разработанный им закон был одобрен Государственным советом и утвержден императором 8 июня 1893 г. И хотя инициатор этого введения министр финансов С.Ю. Витте утверждал, что эта реформа проводилась не с целью увеличения дохода государственной казны, а с целью «уменьшения народного пьянства», через десятилетие стала видна обратная сторона реформы — финансовая составляющая, которая привела не к сокращению, а, наоборот, к увеличению потребления населением спиртных напитков.

В том же 1893 г. был принят «Устав Попечительства народной трезвости», и с того времени в России заработали сотни отделений «Всероссийского общества трезвости».

К 1899 г. в его ведении находилось 2000 чайных, 784 столовые с 192 библиотеками, 72 книжных склада, 482 пункта народных развлечений, 600 певческих хоров и оркестров и пр. Но вскоре выяснилось, что министр финансов С.Ю. Витте, мотивируя свои действия тем, что он стремится увеличить государственный доход, умножил число казенных винных ла-

вок, «которые были под его контролем, и был глух к поступающим проектам со стороны губернаторов, а также представителей земств и городов, видевших воочию вред приносимый на местах пьянством и знавших, что увеличение числа преступлений, разрушение семейных очагов, среди крестьянства и бедность рабочего класса были последствием сильного потребления водки» [1].

Однако сложившаяся за эти годы в стране ситуация требовала законодательно решить вопросы борьбы с пьянством. 20 января 1914 г. Государственной думой был принят «Законопроект о борьбе с пьянством», который в первой половине 1914 г. находился на рассмотрении в Государственном Совете.

В рескрипте императора Николая II на имя Управляющего Министерством финансов действительного статского советника Петра Львовича Барка от 30 января 1914 г. им были высказаны следующие положения: «постоянно обдумывая и проверяя полученные на местах народной жизни впечатления и сведения, я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит пред Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведование государственными финансовыми и экономическими задачами страны коренные преобразования во благо Моего возлюбленного народа». Император Николай II, наблюдая за народной жизнью во время поездок по России, пришел к заключению, что «нельзя ставить в зависимость благосостояния казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных. А посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа». В указанном рескрипте император Николай II высказал надежду на то, что его инициатива найдет поддержку среди государственных лиц [1].

Поэтому в 1914 г. под давлением общественности, требующей немедленных результатов от кампании по борьбе с пьянством, административная власть на местах в лице губернских начальников, а также акцизных управлений Главного управления неокладных сборов, не дожидаясь официально утвержденного закона, действовала в соответствии с законопроектом, издавая различные постановления и ведомственные циркуляры. В результате торговля пивом была запрещена в течение 150 дней в году [1].

Понимая всю важность момента, были организованы заседания при Совете Съездов особого совещания группы пивоваренных заводчиков, ко-

торые прошли 18–19 апреля 1914 г. в помещении Совета съездов (СПБ, Литейный, 46).

Депутат III Государственной Думы, поборник трезвости, М.Д. Челышев, известный большим числом своих выступлений в Думе против распространения алкоголизма среди российского населения, высказал такую мысль: «Я уверен, что если бы эта Дума провела закон, который образовал бы народ, то Дума эта была бы записана в истории крупными словами на долгие времена; и того государя, который утвердил бы такой закон ... народ назовет Царем Спасителем» [2].

30 января 1914 г. введенное рескриптом императора Николая II «последовательное сокращение числа мест торговли крепкими напитками», начатое зимой, получило свое продолжение в работе «Межведомственного Совещания о мерах борьбы с нетрезвостью», работа которого становилась возможной на основании действующих законов (Закон 23 июля 1914 г.).

В апреле 1914 г. министр финансов П.Л. Барк представляя составленный им бюджет Государственной Думе, указал на задачи для борьбы с пьянством: «первая должна быть направлена к уменьшению пунктов торгующих спиртными напитками, а вторая должна преследовать цель – поднять моральный и интеллектуальный уровень народа» [3]. Но, как министр финансов, П.Л. Барк высказал в Государственной Думе некоторую тревогу по поводу того, что в случае уменьшения питейного дохода, бюджет не будет сбалансирован. Однако при уменьшении потребления народом алкоголя благосостояние населения, несомненно, будет расти, и, в конечном итоге, подъем народного благосостояния, который последует в случае воздержания населения от потребления крепких напитков, с лихвой покроет убыль от уменьшения питейного дохода, но для переходного времени необходимо будет принять целый ряд мер налогового характера. П.Л. Барк задумывался о разработке проектов о взимании новых налогов. «Я убежден, – свидетельствовал П.Л. Барк, – что подходящий налог станет постепенно основной базой нашей финансовой системы. Уже несколько лет тому назад закон о подоходном налоге был представлен на рассмотрение Думы, но ему не дали хода» [3]. Свои объяснения он закончил, сказав, что «Министерство финансов» имеет под своим контролем 8500 сберегательных касс и 25000 винных лавок для продажи спиртных напитков. Министерство будет стараться закрывать питейные учреждения и открывать вместо них сберегательные кассы» [3].

Позднее П.Л. Барк писал в своих воспоминаниях о том, что хотя он «...принял все меры к тому, чтобы потребление водки сокращалось», но финансовая реформа, которая имела целью заменить в бюджете иными источниками финансовые поступления от питейного дохода, составляв-

шего третью его часть, рассчитана была на продолжительный срок. Им был взят за основу проект инженера Н.И. Денчинского, который предполагал заменить питейный доход повышением железнодорожного тарифа. Об этом проекте было доложено императору Николаю II: по примерным подсчетам одно это повышение, «проведенное в крупных размерах, могло бы дать от 400 до 500 миллионов рублей, т. е. половину питейного дохода» [3].

С началом Первой мировой войны намеченная постепенная программа, касающаяся запрещения алкогольных напитков, должна была претерпеть коренное изменение. На ближайшем заседании Совета Министров П.Л. Барком были высказаны соображения о том, что необходимо воспользоваться исключительно сложившимися обстоятельствами военного времени для немедленного проведения в жизнь питейной реформы, указанной императором Николаем II в рескрипте 30 января 1914 г. Как опытный финансист, министр финансов П.Л. Барк отдавал себе отчет в том, что при устранении из бюджета питейного дохода, придется считаться с вызывающим у него тревогу крупным бюджетным дефицитом. Но при этом П.Л. Барк считал, что введение «сухого закона» в военное время имеет свои плюсы, так как, по его мнению, «военные расходы будут исчисляться миллиардами, и их можно будет покрывать только займами, и, таким образом, «с огромным бюджетным дефицитом нам, — свидетельствовал П. Барк, — все равно предстоит иметь дело как с неизбежным последствием военных событий. При этих условиях увеличение такого дефицита, исчисляемого миллиардами, на несколько сот миллионов в год будет, конечно, менее ощутительно, чем если бы реформа была отложена на послевоенное время, когда необходимо будет соблюдать экономию во всех областях и потребуются огромные усилия для восстановления нарушенного народного и государственного хозяйства». [3].

Время требовало безотлагательно разработать подробный проект питейной реформы. По мнению П.Л. Барка, правительство должно было без замедления, разработать целый комплекс мероприятий не только запретительного, но также творческого, положительного характера, направленных к утверждению в народе трезвости. Большинство сторонников П.Л. Барка согласились с ним. Другие же полагали приурочить реформу к окончанию военных действий т.е. к мирному времени «когда, вероятно, по мнению П.Л. Барка, «пришлось бы сделать значительные послабления в вопросах потребления крепких напитков» [3].

Еще до объявления войны, между министрами военных дел, внутренних дел и финансов происходили переговоры относительно того порядка, который следовало бы установить в случае мобилизации. Опыт японской

войны показал, какой вред приносили питейные заведения, открытые по пути следования войск и новобранцев: главная масса эксцессов возникала исключительно на почве злоупотребления крепкими напитками, и поэтому Военное Ведомство уже давно поднимало вопрос о том, чтобы, в случае мобилизации, закрыть все места продажи крепких напитков в тех местностях, где мобилизация была объявлена.

Как только последовал указ о мобилизации, автоматически были закрыты все места продажи крепких напитков. Мобилизация протекала в полном порядке: «Безукоризненный порядок, в коем происходила мобилизация, настолько отличался от тех тяжелых сцен, которые наблюдалась в японскую войну...» [3].

Германия – противник Российской империи во время Первой мировой войны была поражена быстрой, слаженно проведенной в России, мобилизацией. Решение правительства не возобновлять продажу крепких напитков лишала их надежды на дезорганизацию русских рядов «алкогольным ядом». Германская пресса не могла скрыть своего негодования по поводу принятых в России мероприятий, разбивавших германские иллюзии, и в периодической печати появились публикации с критикой по адресу русского министра финансов. «Подобные публикации ставили германскую прессу в щекотливое положение, явно обнаруживая озлобление немцев оттого, что их расчет на пьянство во время мобилизации и в дальнейшем во время военных действий не оправдался» [3].

Население, увидев за короткий срок разительную перемену во многих областях государственной жизни, происшедшую вследствие воздержания от водки, стало направлять бесчисленные ходатайства императору Николаю II о том, чтобы продажа водки была запрещена навсегда. Император Николай II принял депутацию от крестьян, которая умоляла его не открывать вновь винных лавок, и поэтому он обратился в Совет Министров с вопросом насколько такое народное желание осуществимо. Все присутствующие министры, в принципе, отнеслись сочувственно к тому, чтобы правительство пошло навстречу народному желанию. Председатель же Совета Министров указал, что решающий голос в этом деле принадлежит Министру финансов, «от мнения коего зависит то или иное направление», на что П.Л. Барком был дан ответ, содержание которого было сформулировано в рескрипте 30 января 1914 г.» [3].

22 августа (4 сентября) последовало краткое правительственное сообщение о том, что казенные винные лавки и питейные заведения будут оставлены закрытыми не только в течение мобилизации, но на все время военных действий.

Решение императора закрыть питейные заведения во время войны встретило всеобщее одобрение по всей стране. И, действительно, государство, будучи страной с полуторастами миллионным населением, приостановило деятельность монополий, бывших едва ли не основным источником его дохода. Прекращение продажи спиртных напитков состоялось, как известно, одновременно с объявлением мобилизации. И несмотря на то, что мобилизация была **всеобщей**, захватила миллионы людей, при этом она прошла успешно, спокойно, без волнений и беспорядков. Отдельные эксцессы и нарушения дисциплины имели место как раз там, где были зарегистрированы случайные доступы к спиртным напиткам. В журнале «Русский врач» в №41 за 1914 г. сообщалось: «7-й день текущего октября ознаменовался обнародованием известия о событии чрезвычайной важности для жизни дорогой родины, доминирующем сделать этот день для нас историческим»: император Николай II на ходатайство Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников «с воспрещением производить продажу водки», запретил казенную продажу водки «навсегда» «... Мы позволим себе, — констатирует редакция «Русского врача», — повторить по этому поводу известные слова Манифеста, возвещавшего о событии такой же важности в жизни родины 53 года назад: “Осени себя крестным знаменем, русский народ!”» [4].

Правительство, увидев реальные положительные результаты проводимой реформы, решило продлить запрещение сначала до 1-го сентября, а позднее — до конца войны, с категорическим обещанием «уничтожить в России навсегда казенную продажу водки».

«Высочайше утвержденным Положением Совета Министров 27-го сентября 1914 г.» городским думам и сельским обществам было предоставлено, а «Положением 18 октября 1914 г.», кроме того, и земским собраниям на время войны было дано право запрещать торговлю всеми спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении.

Что же дало введение в стране в 1914 г. т.н. «сухого закона» — запрещение производства и продажи спиртных напитков? В результате уже к началу 1915 г. производительность туда возросла на 30–50%. Число пожаров в сельской местности уменьшилось в два раза. Количество прогулов среди работающего населения снизилось на 27%. Значительную перемену в своей деятельности почувствовали учреждения, так или иначе обслуживающие лиц больных алкоголизмом. Опустели камеры для вытрезвления при городских полицейских участках. Сразу сократилось число алкоголиков, как в специальных амбулаториях, так и в психиатрических и общих больницах [5].

В трех амбулаториях для алкоголиков «Московского Столичного Попечительства о народной трезвости», занимавших вплоть до 1914 г. по числу обращений первое место среди аналогичных учреждений в России, количество обращений сразу резко упало. В крупнейших российских городах в связи с «отсутствием пациентов» закрылись приюты для вытрезвления и лечебницы для алкоголиков. Судя по сообщениям из разных городов, наблюдалось сокращение числа самоубийств в результате прекращения продажи спиртных напитков.

Сообщения о резком падении преступности в результате отрезвления наблюдались повсеместно. Они касались столиц и провинции, города и деревни, глухих углов и промышленных центров и поразительно совпадали по существу и в подробностях, часто даже в выражениях. Наряду с падением хулиганства констатировалось резкое уменьшение преступлений против личности, собственности и порядка, вместе с тем наблюдалось заметное ослабление таких социальных явлений, как проституция, профессиональное нищенство, бродяжничество и т.п. Российские газеты писали на своих страницах, о том, что убийства, грабежи и кражи были в то время единичными.

В периодических изданиях сообщалось о том, что одна из больших петроградских тюрем пустует, другая обращена в лазарет для раненых. Столичный комитет Москвы по разбору и признанию нищих констатировал почти полное исчезновение профессионального нищенства. Население Хитрова рынка в Москве к 1 июля равнялось 9405 чел., а к 1 октября — только 2200 чел., из них половина состояла из женщин и больных старше 40 лет. Прежнее население Хитрова рынка частью было взято на войну, но в большинстве отрезвело и ушло в деревню [5].

Повсеместно отмечались положительные результаты трезвости немедического порядка: уменьшение несчастных случаев и катастроф, повышение производительности труда и материального благосостояния, рост духовных интересов и культурных потребностей, смягчение нравов семейных и общественных.

По сведениям земских статистических бюро число пожаров резко снизилось: в Самарской губернии на 41,5%, в Казанской губернии на 44%. В Курской губернии среднее число пожаров за август-сентябрь в предыдущие годы было 572, а в 1914 г. только 306. К этой же области изменений надо отнести уменьшение несчастных случаев на фабриках и заводах и на железных дорогах; так число строительных катастроф в Москве понизилось на 80% [5].

Повышение производительности труда (от 30 до 60%) констатировалось во всех отраслях промышленности, как в мелкой, так и в крупной.

Улучшение качества работы, уменьшение брака, отсутствие прогулов, сокращение заболеваемости рабочих, заметное повышение материального благосостояния засвидетельствованы и отдельными лицами, и организациями (больничные кассы, потребительские общества, Русское торговое общество, Московское общество фабрикантов и заводчиков).

О росте благосостояния трудового населения можно судить по тому, что с июля по октябрь 1913 г. было внесено в московские сберегательные кассы 3 250 000 руб., тогда как за этот же период в 1914 г. внесено 6 000 000 руб. Заметно обозначился спрос на такие товары, которые рабочие ранее не покупали. В Петроградских потребительских и кооперативных лавках отмечалось повышение потребления мяса рабочими на 15% [5].

Наряду с улучшением материального благосостояния, отмечалось повышение интересов населения к чтению. По свидетельству председателя училищной комиссии при Городской думе, в Москве замечались повышенные требования в городских читальнях на книги. Читальни были переполнены даже в праздники, когда при прежних условиях они пустовали.

Как показал представленный опыт запрещения спиртных напитков в России с начала войны 1914 г., система радикального насаждения трезвости включает значительно меньше отрицательных сторон, чем это ранее предполагалось. Но все-таки они присутствуют. Главное место в этом отношении принадлежит развивающемуся употреблению с целью опьянения суррогатов водки и разного рода спиртосодержащих жидкостей: денатурированного и древесного спирта, одеколона, политуры, вежеталя и т. п. Так по данным, собранным докторами Кузнецовым и Лукиным, в Петроградской Обуховской больнице с 16 июля по 1 декабря 1914 г. было зарегистрировано 1020 случаев отравлений; из них 606 отравлений денатуратом, 372 политурой и 42 другими различными суррогатами спирта. Смертельных случаев среди отравившихся было 12; все они погибли в первый же день отравления [5].

Также нельзя не обратить внимание на циркулярное обращение московского городского головы к городским самоуправлениям по поводу «Петроградского Межведомственного совещания» под председательством г-на Прилежаева в марте 1915 г. Совещание, как известно, признало своевременным разрешить продажу виноградных вин крепостью до 16° и пива крепостью до 3° в городах и густо населенных сельских местностях и постановило ходатайствовать об отмене высочайше утвержденного от 13 октября 1914 г. «Положения Совета Министров» о праве заинтересованных учреждений запрещать продажу всех спиртных напитков. На это было получено большое число ответов с мест и единодушное отрицательное решение о попытке лишить предоставленного права запрета на

продажу спиртных напитков, показавшего какую опасность для общественного благополучия представляет даже частичное нарушение трезвости. Противоалкогольными обществами г. Москвы было опубликовано «Открытое письмо к городским и земским самоуправлениям России» в виде брошюры, в которой очень обстоятельно, на основании фактических данных, был показан вред малых и так называемых «умеренных» доз алкоголя, огромная опасность винного и пивного алкоголизма и неосновательность взгляда на виноградное вино и пиво, как на средства борьбы с алкоголизмом [6].

Представители алкогольной промышленности, главным образом, виноделы, пивовары, вино- и пивоторговцы в защите своих интересов не ограничивались ссылками на финансовые потери от запрещения. Понимая, что в важные для Отечества моменты, откровенная защита своих личных интересов неудобна и едва ли, могла иметь успех, они мотивировали свои ходатайства самыми разнообразными соображениями. Они апеллировали к высшей справедливости и даже религии, отстаивали интересы государственного хозяйства, ссылались на медицинские авторитеты, брали под свою защиту свободу личности, пугали тайным винокурением и распространением суррогатов.

Была создана «Докладная записка г. Председателю Совета Министров представителей пивоваренной промышленности». Авторы этой обширной записки исходят из положения, якобы несомненно установленного и будто бы разделяемого правительством мнения, что распространение пива, признанного в 1904 г. Медицинским Советом напитком не столько алкогольным, сколько питательным (!), вызовет неизбежно усиление тайного пивоварения, чуть не в каждом крестьянском доме.

Уместно привести мнение такого авторитетного сторонника трезвости, как профессор А. Fogel (Швейцария), которое он высказал в письме в редакцию газеты «Новое Время» по поводу запрещения в России казенной водки [7]: «М.Г. Через посредство вашей уважаемой газеты (№№ 13856 и 13859) я узнаю, что пивовары в России, по-видимому, озабочены тем, чтобы на смену закрытых казенных лавок допущена была продажа легкого пива. Трудно выразить, насколько меня обрадовали грандиозные мероприятия, предпринятые в России против винной монополии; мои ожидания по поводу внезапно проведенной трезвости в Вашей стране оправдались в полной мере. О том, что внезапное воздержание от крепких напитков никому не может повредить, а наоборот, всем лишь приносит пользу, мне уже давно известно из личного опыта в малом масштабе, произведенного в Психиатрической больнице г. Цюриха. Даже больные, страдавшие *Delirium tremens* (белая горячка), отлично переносят внезапное воздер-

жание. Нельзя сомневаться в том, что благодаря постановлению (как мне передали) навсегда устранить водку, Россия сделает огромный шаг вперед во всех отношениях, как в смысле продуктивности, так и смысле здоровья своего народа. Что же касается денежного убытка, то он возместится сторицею в смысле силы и работоспособности. Поверьте старому, опытному врачу, который имел возможность наблюдать такие явления шаг за шагом на отдельных индивидуумах своей страны в течение 80 лет». [7]. Повествуя о положении дел, относительно «пивного алкоголизма» в своей родной Швейцарии, он привел пример, говоря о Баварском «пивном сердце», классически описанным проф. Боллингером в Мюнхене на основании вскрытия трупов пивоваренных рабочих. В своей работе привел он и важное высказывание Бисмарка: «От пива делаются ленивыми, глупыми и бессильными». Далее профессор A. Forel писал: «Но желать заменить водку пивом (или вином), это значило бы заменить беса Вельзевулом». И далее: «... Я питаю глубокую надежду, что великое начинание русского правительства послужит образцом и примером не только русскому народу, но и всему миру в смысле воздержания от употребления спиртных напитков. Тогда лишь мы можем и впрямь надеяться, что человеческая культура пойдет вперед вопреки предсказаниям пессимистов. Для меня же осуществление этой мечты явилось бы лучом света перед смертью» [7].

Введение в Российской империи «сухого закона» произвело ошеломляющее впечатление за границей. Вначале никто не хотел верить появившимся в печати сведениям, что Россия во время тягчайшей войны, требующей напряжения всех финансовых сил, отказалась от главного источника своего бюджета, и что русское правительство, по повелению императора, решило пожертвовать значительными питейными поступлениями, во имя утверждения в народе трезвости и подъема народного благосостояния.

Особенный интерес к этому вопросу проявили общественные круги Соединенных Штатов Америки и государственные деятели в Великобритании. Министр финансов П.Л. Барк вспоминал: «Во время моих трех поездок в Париж и Лондон в течение 1915 и 1916 гг. мне приходилось давать подробные ответы на целый ряд вопросов, которые мне задавались журналистами, общественными деятелями и членами правительств союзных и нейтральных стран по поводу осуществления у нас питейной реформы. Даже в тех государствах, которые сами имели богатый опыт в деле борьбы с алкоголизмом и где строжайшими мерами, направленными к сокращению потребления вина, были достигнуты огромные результаты по искоренению пьянства, интерес к нашей реформе был очень велик» [3].

Нужно упомянуть еще о том, что известный политический деятель Ллойд Джордж в своей знаменитой бюджетной речи, в английской палате

общин, сказал, касаясь введения в жизнь в Российской империи «сухого закона» 1914 г.: «это самый величественный акт национального героизма, какой я только знаю».

Даже по прошествии сравнительного незначительного времени с момента оглашения «сухого закона» то, что еще так недавно многим казалось утопией, стало действительностью, притом повседневной, почти привычной. Отрезвление явилось источником небывалого развития экономической мощи страны и подъема духовных и творческих сил народа. Новый порядок вещей, так непохожий на прежний, вошел в жизнь и неузнаваемо изменил ее облик, отозвавшись так или иначе во всех сферах народной жизни. Перед лицом совершившихся преобразований уже не казались преувеличением сказанные не раз слова, что 19 июля 1914 г. Россия одержала победу над врагом гораздо более страшным, чем враг внешний. В истории антиалкогольного движения 1914 год останется одной из знаменательнейших дат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первый в России. История пивоваренного завода имени Степана Разина. – СПб., 1997.
2. Памяти Михаила Чельшева. – Пг., 1916.
3. Барк П.Л. Воспоминания. Глава «Запрещение спиртных напитков» // Возрождение (Париж). – 1963. – №158 (февраль).
4. Русский врач. – 1914. – №41.
5. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – М.: Издание Московского Столичного Попечительства о Народной Трезвости, 1915.
6. Отрезвление рабочих. – М., 1915.
7. Новое Время. – 1914. – №13910.